

Уголовное право / Criminal Law

Научная статья

УДК 323.28

EDN: HFINEX

Юридическая деконструкция террористического акта на примере стрельбы в мечетях Крайстчерча

Станислав Алексеевич Ильичёв

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация

✉ ilyichovsa@gmail.com

Научный руководитель: **М. О. Ноженко**, старший преподаватель кафедры
уголовного права Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. Статья посвящена юридическому анализу террористического акта в мечетях Крайстчерча (2019 г.) как проявления современного праворадикального терроризма. Целью исследования является деконструкция указанного события с точки зрения уголовного права, включая особенности квалификации, содержания мотивов поведения лица, а также роль информационно-телекоммуникационных технологий в совершении указанного преступления. Рассмотрены доктринальные подходы к определению терроризма и особенности квалификации деяний «одиноких акторов». Обозначены проблемы правового реагирования на акты терроризма и особенности противодействия таким деяниям.

Ключевые слова: террористический акт, Крайстчерч, уголовное право

Для цитирования: Ильичёв С. А. Юридическая деконструкция террористического акта на примере стрельбы в мечетях Крайстчерча // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 78–86.

Original article

Legal Deconstruction of a Terrorist Act on the Example of the Shooting at Mosques in Christchurch

Stanislav A. Ilyichyov

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

✉ ilyichovsa@gmail.com

Scientific supervisor: M. O. Nozhenko, Senior Lecturer at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. This article is devoted to the legal analysis of the terrorist attack at Christchurch mosques (2019) as a manifestation of contemporary far-right terrorism. The purpose of the study is to deconstruct the aforementioned event from the perspective of criminal law, including the specifics of legal qualification, the perpetrator's behavioral motives, as well as the role of information and telecommunications technologies in the commission of the said crime. Doctrinal approaches to the definition of terrorism and the peculiarities of qualifying acts committed by "lone actors" are examined. The problems of legal response to acts of terrorism and the specifics of counteracting such acts are identified.

Keywords: terrorist act, Christchurch, criminal law

For citation: Ilyichyov, S. A. Legal deconstruction of a terrorist act on the example of the shooting at mosques in Christchurch. *Femida.Science = Themis.Science*. 2025;(2):78-86. (In Russ.)

Феномен терроризма, давно перешагнувший национальные границы и имеющий глобальный характер [1, с. 135], остается одной из наиболее острых угроз международной и национальной безопасности. Динамичная трансформация форм, методов и идеологических оснований терроризма ставит перед мировым сообществом и отдельными государствами все новые, более сложные вызовы, требующие адекватного и своевременного реагирования. Современный этап развития общества характеризуется не только сохранением активности традиционных террористических организаций, но и появлением лиц, использующих все более совершенные технологии для достижения своих преступных целей, что подчеркивает неослабевающую актуальность научных исследований в данной области [1, с. 136]. Особую тревогу в последние годы вызывает рост праворадикального терроризма, зачастую подпитываемого идеологиями превосходства и ненависти, распространяемыми через глобальные информационные сети.

Трагические события в Крайстчерче (Новая Зеландия) в марте 2019 г., когда в результате вооруженного нападения на две мечети погибли десятки людей, стали не просто очередным ужасающим проявлением насилия, но и своего рода маркером современных тенденций в террористической деятельности. Этот акт, совершенный «одиноким актором», открыто де-

кларировавшим свои праворадикальные взгляды, и транслировавшийся в прямом эфире в социальных сетях, высветил целый комплекс проблем: от особенностей квалификации подобных деяний до эффективности предупредительных мер в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Юридическая деконструкция данной ситуации представляется чрезвычайно значимой, поскольку позволяет не только глубже понять природу и специфику современного терроризма, но и выявить пробелы в национальном и международном праве, а также в правоприменительной практике противодействия ему. Как справедливо отмечают исследователи, анализ конкретных деяний является неотъемлемой частью совершенствования стратегий борьбы с террором [2, с. 69].

Определение сущности терроризма и юридическая квалификация деяний, подпадающих под это понятие, представляют собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. В российской правовой доктрине и законодательстве понятия «терроризм» и «террористический акт» получили достаточно развернутое нормативное закрепление в Федеральном законе «О противодействии терроризму»¹ и Уголовном кодексе Российской Федерации. Несмотря на это, в научной среде продолжаются дискуссии относительно правовой природы и сущности терроризма. Так, Д. А. Ковлагина отмечает, что терроризм представляет собой «идеологию насилия и практику воздействия», направленные на устрашение населения с целью влияния на политические решения, дестабилизации общественной деятельности и внушения страха как основного инструмента достижения целей [3, с. 137]. Ключевыми признаками терроризма, выделяемыми исследователями и законодателем, являются: применение или угроза применения насилия, публичный характер деяния, цель устрашения населения и/или оказания воздействия на органы власти или международные организации.

В. В. Устинов подчеркивает, что вопрос о мотивах террористических деяний является дискуссионным, поскольку такие акты могут быть совершены не только в политических, но и в религиозных или социальных целях, что делает их не менее общественно опасными [4, с. 9]. Споры вызывает также содержание понятия «иные действия, устрашающие население», что в каждом случае требует тщательного толкования.

На международном уровне, несмотря на многочисленные усилия, до сих пор не выработано единого, универсального определения терроризма. Тем не менее существует значительное количество международных конвенций² и резолюций ООН, направленных на борьбу с отдельными проявлениями терроризма (так называемый «секторальный» подход).

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

² См., например, Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Трагедия в Крайстчерче 15 марта 2019 г. стала одним из самых жестоких и медийно освещенных террористических актов последних лет, осуществленных сторонником праворадикальной идеологии. В пятницу, 15 марта 2019 г., Брентон Таррант, 28-летний гражданин Австралии, вооруженный полуавтоматическим оружием, совершил нападения на две мечети – Аль-Нур и Исламский центр Линвуд – в городе Крайстчерч, Новая Зеландия. В результате его действий погиб 51 человек, еще десятки получили ранения. Преступник вел прямую трансляцию нападения на мечеть Аль-Нур в социальной сети, что многократно усилило психологический эффект от теракта и способствовало вирусному распространению видеозаписи.

Правоохранительные органы Новой Зеландии оперативно отреагировали на произошедшее. Брентон Таррант был арестован и предстал перед судом. Ему были предъявлены обвинения в совершении террористического акта, 51 убийстве и 40 покушениях на убийство. В августе 2020 г. он был приговорен к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение – это первый подобный приговор в истории Новой Зеландии. Суд квалифицировал его действия как совершение террористического акта, признав наличие умысла на устрашение населения и воздействие на правительство с использованием насилия для продвижения определенной идеологии³.

С точки зрения международного права деяния Тарранта содержат все признаки террористического акта, определенные в большинстве международных конвенций и резолюций ООН, направленных на борьбу с терроризмом. Кроме того, цели совершения преступления – устрашение населения и воздействие на правительство для продвижения определенной идеологии – напрямую соотносятся с целями преступления, указанными в диспозиции ст. 205 УК РФ «Террористический акт». И сам характер действий Тарранта (массовое убийство людей, публичность, стремление к максимальному резонансу) соответствует объективной стороне террористического акта, как она трактуется и в российском уголовном праве: «...совершение... иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека... в целях дестабилизации деятельности органов власти... либо воздействия на принятие ими решений...». Таким образом, несмотря на различия в конкретных формулировках национальных законодательств, понимание террористического акта как общественно опасного деяния, направленного на подрыв основ безопасности государства и устрашение населения, является общим для большинства правовых систем, а также для международного права.

Исследуемое нами преступление представляет особый научный интерес в силу того, что, во-первых, Брентон Таррант являлся представителем нового поколения так называемых «террористов-одиночек». Во-вторых, беспрецедентная публичность, достигнутая путем прямой трансляции массового убийства в сети «Интернет», не только многократно усилила устраша-

³ Почему стала возможна атака в Новой Зеландии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8b6f319a79475347049cc> (дата обращения: 16.06.2025).

ющий эффект, но и обозначила новую тактику использования цифровых платформ террористами для распространения идеологии ненависти. Эти аспекты требуют изучения и рассмотрения, поскольку они прямо влияют как на юридическую оценку содеянного, так и на выработку адекватных мер предупреждения и профилактики таких деяний.

«Манифест» Брентона Тарранта является ключевым документом для понимания мотивов его преступления. В нем он открыто заявляет о своей приверженности идеям превосходства людей с определенным цветом кожи, теории «великого замещения», а также выражает ненависть к мусульманам и иммигрантам. Его действия были направлены не просто на убийство людей, а на символическую атаку против исламского сообщества, на провокацию насилия, дестабилизирующего западное общество. В. Е. Петрищев, характеризуя этнорелигиозный терроризм, приходит к выводу о том, что формирование движений экстремистского характера, распространение в массовом общественном сознании стереотипов допустимости противоправного поведения, применения насильственных методов при защите социальных, политических, государственных, общественных, групповых и личных интересов являются признаками расширения социального охвата террористической деятельности [5, с. 223–224].

Рассмотренный нами мотив тесно переплетается с более широкой идеологической установкой праворадикального экстремизма. Ученые указывают, что праворадикальные группировки совершают террористические акты против представителей иных рас и национальностей, руководствуясь идеологией исключительности белой расы и русской нации, с целью призыва к «Белой революции» [6, с. 222]. Действия Тарранта полностью укладываются в эту характеристику. Он намеревался не только лишить жизни, но и запугать целую группу населения, спровоцировать более масштабный конфликт на идеологической почве, что соотносится с целями террористического акта, определенными как в российском, так и в международном праве.

В Российской Федерации проблема противодействия терроризму, включая его проявления со стороны «одиноких акторов», также стоит чрезвычайно остро, что отражено в стратегиях национальной безопасности. На наш взгляд, эффективные меры предупреждения и воздействия на таких террористов должны носить комплексный характер и включать совершенствование деятельности, направленной на раннее выявление лиц, имеющих террористические намерения, включая мониторинг интернет-пространства и анализ поведения, активную работу по дерадикализации, особенно в молодежной среде, которая, как показывает практика, наиболее уязвима для экстремистских идеологий [7, с. 201], а также развитие международного сотрудничества по обмену информацией при выявлении и нейтрализации «террористов-одиночек», обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за совершение террористических актов.

Теракт в Крайстчерче продемонстрировал особенную роль сети «Интернет» в совершении террористических актов и распространении терроризма как идеологии.

Во-первых, сеть «Интернет» стала пространством для радикализации Тарранта. В своем «манифесте» он упоминал различные онлайн-форумы и платформы, откуда он брал экстремистские идеи. Этот аспект подчеркивается многими исследователями. Например, О. С. Игошин указывает на высокую эффективность использования сети «Интернет» для вербовки новых членов террористических организаций [8, с. 14].

Во-вторых, информационно-телекоммуникационные технологии использовались для подготовки и планирования атаки, а также для прямой трансляции теракта. Это было сделано с расчетом на максимальный психологический эффект, вирусное распространение контента, «прославление» деяния в определенных кругах. Как отмечают Б. Хоффман и другие эксперты, террористы всегда стремились к «театру жестокости» и современные технологии предоставляют им для этого беспрецедентные возможности [9, с. 248].

В Российской Федерации проблематика использования сети «Интернет» в террористических и экстремистских целях также находится в фокусе пристального внимания государственных органов и научного сообщества. Российское законодательство, в частности федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ и «О противодействии экстремистской деятельности», предусматривают механизмы блокировки ресурсов, содержащих противоправный контент, включая призывы к терроризму и материалы, его оправдывающие⁵. З. Л. Шхагапсов справедливо указывает на необходимость постоянного совершенствования как правовых, так и технических средств противодействия информационной экспансии террористических идеологий [10, с. 181–182]. Однако, как показывает практика, одних лишь запретительных мер недостаточно для эффективного решения проблемы.

На наш взгляд, эффективное противодействие использованию сети «Интернет» в террористических целях требует реализации следующих мер.

1. Совершенствование технологий автоматического выявления и блокировки контента, который содержит изображения или видео террористических актов, что требует тесного сотрудничества между государственными органами, ИТ-компаниями, провайдерами интернет-услуг и владельцами социальных платформ, в том числе на международном уровне для оперативного реагирования на транснациональные угрозы.

2. Формирование у граждан, особенно у молодежи, навыков критического восприятия информации в интернете, способности распознавать манипулятивные техники и пропаганду террористических и экстремистских идеологий.

3. Создание и продвижение в сети «Интернет» качественного и позитивного контента, направленного на утверждение гуманистических ценно-

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 04.04.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁵ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

стей, межкультурного диалога, неприятия насилия и экстремизма, привлекательного и доступного для различных целевых аудиторий.

4. Создание и поддержка доступных онлайн- и офлайн-сервисов для лиц, подвергшихся радикализации или находящихся в группе риска, а также для их близких с целью оказания психологической помощи.

Таким образом, анализ террористического акта, совершенного в Крайстчерче, показывает, что современный праворадикальный терроризм, совершенный «одинокими акторами», представляет собой актуальную угрозу, характеризующуюся сильной идеологической мотивированностью, использованием цифровых технологий на всех этапах преступной деятельности – от радикализации определенных групп населения до медийного освещения самого акта насилия. Это требует комплексного подхода к противодействию таким актам, сочетающего как традиционные правоохранительные меры, так и новые способы, учитывающие распространенность информационно-телекоммуникационных технологий.

Трагедия в Крайстчерче и рост праворадикального экстремизма в мире диктуют необходимость совершенствования как национального законодательства, так и механизмов международного сотрудничества.

На национальном уровне это может включать следующие направления деятельности:

- гармонизацию законодательств различных государств;
- исследование и определение на уровне закона или правоприменительной практики признаков праворадикального экстремизма (например, путем включения в разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации указаний на теории «великого замещения», расового превосходства или иные формы ксенофобии);
- изучение действий «одиноких акторов», их мотивов и целей.

Кроме того, возникает необходимость в усилении ответственности за пропаганду терроризма в сети «Интернет», а также в криминализации новых форм оправдания и пропаганды идеологии насилия, совершенствовании механизмов выявления и профилактики радикализации групп населения (в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). Особую роль играют меры, направленные на дальнейшее совершенствование государственного контроля в сфере оборота оружия.

С нашей точки зрения, на международном уровне крайне важно активизировать усилия по выработке универсального определения терроризма, которое включало бы и его праворадикальные проявления, а также предпринимать шаги по укреплению сотрудничества между правоохранительными органами и спецслужбами разных стран по обмену информацией о лицах и группах, причастных к праворадикальному экстремизму и терроризму. Необходимо также разработать международные стандарты и механизмы для борьбы с распространением террористического и экстремистского контента в интернете, проводить совместные научные исследования и обмен опытом при изучении феномена праворадикального терроризма, его причин, проявлений, а также мер противодействия таким проявлениям.

Список источников

1. Малаев А. Х. Терроризм как глобальная проблема современности // Журнал прикладных исследований. 2023. № 2. С. 135–138.
2. Кузубов А. А., Максименко А. Н. Обеспечение принципа правовой определенности в качестве противодействия международному терроризму // Правовой порядок и правовые ценности : электрон. изд. 2024. Т. 2, № 1. С. 64–73. URL: <https://www.lawandorder-donstu.ru/jour/issue/viewIssue/9/7>.
3. Ковлагина Д. А. Понятие и существенные признаки терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 137–138.
4. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М. : Юрлитинформ, 2002. 560 с.
5. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме М. : УРСС, 2001. 281 с.
6. Самойлов С. Ф., Дорошенко О. М., Жуланов А. В. Место идеологической составляющей в структуре праворадикально настроенного экстремистского сознания // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 221–226.
7. Гутиева И. Г. Экстремизм в среде молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 201–203.
8. Игошин О. С. Интернет как площадка для вербовки пособников террористическими организациями // Отечественная юриспруденция. 2016. № 11 (13). С. 13–15.
9. Hoffman B. Inside terrorism. 3rd ed. New York : Columbia University Press, 2017. 480 p.
10. Шхагапсоев З. Л. Совершенствование методов противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 3. С. 177–184.

References

1. Malaev, A. Kh. Terrorism as a global problem of our time. *Zhurnal prikladnykh issledovanij = Journal of Applied Research*. 2023;(2):135-138. (In Russ.)
2. Kuzubov, A. A., Maksimenko, A. N. Ensuring the principle of legal certainty as a way to counteract the international terrorism. *Pravovoj poryadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*. E-journal. 2024;2(1):64-73. (In Russ.) URL: <https://www.lawandorder-donstu.ru/jour/issue/viewIssue/9/7>.
3. Kovlagina, D. A. The concept and the essential features of terrorism. *Probely v rossiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2015;(5):137-138. (In Russ.)
4. Ustinov, V. V. *International experience in combating terrorism: standards and practice*. Moscow: Yurlitinform; 2002. 560 p. (In Russ.)
5. Petrishchev, V. E. *Notes on terrorism*. Moscow: URSS; 2001. 281 p. (In Russ.)
6. Samoilov, S. F., Doroshenko, O. M., Zhulanov, A. V. The place of the ideological component in the structure of right-wing extremist consciousness. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(5):221-226. (In Russ.)
7. Gutieva, I. G. Extremism among youth. *Probely v rossiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2014;(5):201-203. (In Russ.)
8. Igoshin, O. S. Internet as a platform for recruitment of accomplices by terrorist organizations. *Otechestvennaya yurisprudentsiya = Domestic Jurisprudence*. 2016;(11):13-15. (In Russ.)
9. Hoffman, B. *Inside terrorism*. 3rd ed. New York: Columbia University Press; 2017. 480 p.

10. Shkhagapsoev, Z. L. Improving methods of countering extremism and terrorism in the Russian Federation. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2024;17(3):177-184. (In Russ.)

Информация об авторе

С. А. Ильичёв – студент 2 курса.

Information about the author

S. A. Ilyichyov – 2nd year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 07.07.2025.

The article was submitted 23.06.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 07.07.2025.